

О. ДЗЕНИС,
комиссар Павловского полка

КАК МЫ БРАЛИ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

За несколько дней до октябрьского переворота почти во все крупные части петроградского гарнизона — гвардейские резервные полки, военные училища и т. д. были назначены постановлением Военно-революционного комитета комиссары Петроградского Совета. Роль их сводилась к подготовке предназначенных к активному участию в перевороте частей, к руководству их действиями во время намеченного переворота и к обезвреживанию действий и распоряжений штаба Петроградского военного округа. Большая часть этих комиссаров рекрутировалась из молодых офицеров — большевиков, активных работников военной организации при ЦК, только недавно выпущенных под залог партийной организации из тюрем, где они сидели по обвинению в активном участии в событиях 3—5 июля. Я был назначен в гвардейский Павловский полк.

Дни пролетали быстро. Делегаты на II съезд Советов съезжались. После состоявшегося недавно перед тем — 18 и 19 октября — собрания активных работников петроградской организации всем было ясно, что переворот неизбежен, что он будет и к нему нужно во что бы то ни стало подготовиться. Это убеждение вкоренялось в голову каждого солдата, и мысли и взоры всех были обращены на предстоящее открытие съезда. В полках происходили собрания и митинги, на которых, кроме мест-

ных ораторов, выступали также приехавшие на съезд делегаты-большевики с фронтов и из провинции. Так подошло 24 октября — канун знаменитых событий, день, когда внимание и ожидание достигли наивысшего напряжения.

«Разводят мосты», — вот тот сигнал, который развязал эту напряженность и после которого уже можно было сказать: столкновение началось. Временное правительство, прекрасно сознавая, что работа II съезда Советов неизбежно будет связана с открытой вооруженной борьбой за власть, и зная и видя, что в частях гарнизона ведется непрерывная организационная подготовка к выступлению, собрало к Зимнему дворцу и в прилегающие к нему здания на Дворцовой площади несколько школ прапорщиков, в том числе Ораниенбаумскую, Гатчинскую и другие, женский батальон из Парголова, три сотни 3-го Уральского пехотного казачьего полка и батарею Михайловского артиллерийского училища. Часов в шесть вечера 24-го, чтобы затруднить сообщение между частями города и, в частности, чтобы разъединить Петроградскую сторону с Петропавловской крепостью от центральной части Петрограда, оно отдало приказ развести мосты.

С этим сигналом прибежали в штаб полка взволнованные товарищи. Не прошло и получаса, как патруль, посланный к Троицкому мосту со стороны Марсова поля, донес, что «пришли разводить». Пришлось дать приказ одной из рот о занятии моста. Полуроты расположились на обоих концах моста. Вскоре одну из них, на Петроградской стороне, заметили самокатчики, стоявшие тогда во дворце Кшесинской.

Настроение было тревожное, и тревога росла с каждым часом. Весь полк был на ногах и дежурил, несмотря на то, что одной части было разрешено отдыхать. Часам к девяти вечера я выслал патруль по ближайшим, прилегающим к Дворцовой площади улицам со стороны Марсова поля с задачей войсковой разведки — доносить о всех замечающихся приготовлениях противника. К часам одиннадцати патрули, стоявшие на Миллионной улице, обратили особенное внимание на большое количество выезжающих с Дворцовой площади от Зимнего дворца автомобилей. Выставили заставы, и было отдано распоряжение впредь задерживать и опрашивать все

проезжающие автомобили и проходящих людей в целях проверки документов и задержания подозрительных.

Не прошло и пяти минут после отдачи этого распоряжения, как вводят в клуб полка, где мы с полковым комитетом расположили оперативный штаб полка, среднего роста, с небольшой сединой, человека в штатском. Оказывается, он задержан вместе с своим автомобилем при выезде с площади на Миллионную. Спрашиваю документы. Оказывается, подполковник Сурнин, начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа. Немедленно на его же автомобиле отправляю его в Смольный в распоряжение Ревкома.

Только что успели его отправить, вводят одного за другим двух новых — министра вероисповеданий Карташева и товарища министра финансов. Арестовывать или нет? Военно-революционный комитет до сих пор на наши настойчивые запросы упорно отмалчивается: видимо, ему некогда. Решаю — раз уже начали, нужно продолжать. И эти также отправляются в Смольный под надзором председателя полкового комитета тов. Летунова. Но дальше уже редко кого из задержанных пришлось отправлять в Смольный, больно уж много стали задерживать. Менее важных отпускали, высшее офицерство штаба округа и главного штаба заключали в «общую камеру» — буфет клуба полка.

Ждем ответа от Ревкома. Наконец привозят два, один за другим, две записки, написанные тов. Подвойским. Первая: арестом начальника контрразведки Сурнина Ревком весьма доволен; его, оказывается, уже посадили куда следует. А вторая записка — сюрприз: Ревком оказался, по его мнению, слишком рано поставленным перед фактом начала столкновения; он пока еще не знает, когда именно начнутся действия, но как бы то ни было — не ранее другого дня, т. е. 25 октября. Аресты, и притом таких крупных фигур, как министров Временного правительства, он считает слишком преждевременными действиями, вызывающими в противнике тревогу и внимание. Предлагают аресты прекратить и заставы снять. Однако то обстоятельство, что нашими разведчиками (хоть слабую, но всё же некоторую разведывательную службу нам удалось организовать) было замечено оживление среди войск Временного правительства, также весьма серьезно подготовлявшихся к столкновению, за-

ставляет нас на этот раз послушаться Ревкома и провести его указания лишь частично. Задержание лиц, выходящих из дворца и прилегающих к нему правительственных зданий, продолжается. Арестованные помещаются в клуб полка: там их к двенадцати часам дня 25 октября набралось человек до двухсот. Но товарищи не хотят ограничиться одним задержанием проходящих и просят разрешения снимать посты юнкеров. Оказывается, Временное правительство уже выставило посты и со своей стороны. Пришлось разрешить, только без права начинать стрельбу. Результаты тут же сказались.

Вот картина на Миллионной. Недалеко от нашей заставы, шагах в 25—30, стоит часовой с подчаском. Трое павловцев ухитрились обойти их с тыла и внезапно подходят сзади. Раздается крик: «Руки вверх, бросай винтовки!», — и юнкера захватываются оба живьем, без шума. Так в нескольких местах (между прочим, у певческой капеллы на Мойке) в течение ночи удалось снять целый ряд постов. Часов около трех утра был снят таким же образом часовой с подчаском и вдобавок, вместе с ними, караульный начальник.

Часам к двум я получил от Военно-революционного комитета записку, что нужно заставу усилить и организовать фактический контроль проходящих и проезжающих. Но было уже поздно: во дворце спохватились, и никто из более влиятельных лиц уже не решался оттуда выходить.

Так прошла вся ночь с 24 на 25 октября. Лишь утром, когда я направился в Ревком для участия в выработке плана предстоящих действий и для получения дальнейшего директив, мы узнали, что начало столкновения было положено не только нами, но и у телефонной станции, которую пришлось отбить у юнкеров с боем, ибо, заняв ее, они немедленно выключили все телефоны, за исключением нужных правительству, и лишили Ревком всякой связи. Это событие и заставило Ревком отдать ночью же распоряжение со своей стороны о выставлении застав, контроле проходящих и т. д.

Утром 25 октября, часов в одиннадцать, в комнате Ревкома в Смольном намечался в грубых чертах «оперативный план». Было решено оцепить Зимний дворец и Дворцовую площадь плотным кольцом и повести наступление, понемногу сжимая его. Мы, приехавшие из частей,

немедленно же отбыли на свои места для практического проведения задачи.

Задача оцепления Зимнего дворца выпала на долю двух полков — Павловского и Кексгольмского. К Павловскому полку были приданы еще две роты Преображенского полка, стоявшие на Миллионной рядом с Эрмитажем, а вскоре Ревком прислал павловцам еще до 800 красногвардейцев Петроградской стороны с санитарным отрядом, два броневика и два 37-миллиметровых орудия на грузовиках. Павловскому полку был отведен участок от набережной Невы выше дворца по Мойке до Невского проспекта включительно. Дальше до набережной Невы, ниже дворца, тянулся такой же участок Кексгольмского полка.

Вскоре прибыли в полки члены Военно-революционного комитета тт. Подвойский и Еремеев и наблюдали за развертыванием частей, а в необходимых случаях сами оказывали помощь. Тов. Подвойский изложил окончательный план наступления: Временному правительству должен был быть предъявлен ультиматум о сдаче; во время вручения ультиматума над Петропавловской крепостью должно было быть поднято знамя; по истечении пятнадцати минут, даваемых Временному правительству на размышление, знамя должно было снова спуститься в знак начала боевых действий с открытием, в первую очередь, оружейной стрельбы по дворцу с крепости и с «Авроры». Однако сигнала мы так и не дождались до вечера.

На площади перед дворцом было оживление. Уже с утра юнкера строили перед главным подъездом и воротами дворца баррикады из дров. Работа заканчивалась.

Батарея Михайловского артиллерийского училища представляла единственную артиллерию, которая находилась в распоряжении Временного правительства и могла быть направлена против окружавших дворец солдат и рабочих. Но и она не могла принять участие в последующем бою. Комиссаром Временного правительства при училище состоял некий анархист, убеждений которого правительство не знало. После обеда 25 октября, часа в четыре, когда уже начало смеркаться и когда Дворцовая площадь и Зимний дворец были уже оцеплены Павловским и Кексгольмским полками, комиссар батареи, видя, что недалек момент, когда батарея может

начать стрельбу по рабочим и солдатам, командовал, действуя именем Временного правительства: «На позицию!» — и нарочно в колонне поорудийно повел батарею через арку Главного штаба налево, в сторону Мойки, как будто для принятия боя. А здесь уже стояла цепь наших солдат. Батарея была без какого-либо прикрытия и, естественно, сопротивляться не была в состоянии, особенно стоя конями вперед. Она сдалась. Весь личный состав был тут же на Невском разоружен и отправлен на Выборгскую сторону в училище, где комиссаром уже состоял назначенный от Ревкома тов. Занько. Этот совершенно неожиданный случай воодушевил осаждающих: все знали, что у осажденного правительства нет ни одного орудия.

Приблизительно в это время и началось фактическое наступление с перестрелкой. Осаждали мы и наступали чрезвычайно беспорядочно.

Приблизительно в седьмом часу, когда во дворце уже были представители Ревкома, гг. Дашкевич и Чудновский, мы получили через вышедшего казака — парламентаря сообщение, что казачьи роты не хотят более продолжать оставаться во дворце, что они сознают, что введены туда обманом, и хотят уйти, но просят не позорить их и выпустить с оружием. Мы колебались, не доверяя вполне уверениям парламентаря; мы сомневались, не хотят ли нам устроить обход с тыла. Решили всё-таки выпустить. Казаки выходили по набережной. В ближайшем переулке был спрятан броневик, который лишь только ряды казаков прошли мимо, был направлен вслед за ними до самых казарм казачьего полка, находившихся недалеко от казарм павловцев. Когда казаки уходили из дворца, осаждающие кричали женскому батальону, предлагая сдаваться, но оттуда в ответ раздались крики: «Умрем, но не сдадимся».

В восемь часов вечера под напором и обстрелом окружающих защитники Временного правительства вынуждены были уйти из здания штаба округа в Зимний дворец, и я во главе 12—15 товарищей вбежал в здание. Наверху мы застали нескольких юнкеров, торопившихся снять телефоны. Минут через пять начался усиленный обстрел здания. Юнкера сбили наших солдат, находившихся внизу у входа в здание со стороны певческой капеллы, но у них уже нехватало сил снова занять здание;

притом это было сопряжено с большим риском быть разгромленными наступающими солдатами и красногвардейцами, которые уже совсем близко придвинулись к площади. Юнкера все стянулись в Зимний дворец.

Как выяснилось впоследствии, сдача здания штаба и всё теснее и теснее смыкавшееся кольцо осаждавших оказали большое деморализующее влияние на юнкеров; из боязни быть расстрелянными, если действительно придется сдаться, — а это всем казалось неминуемым, — многие начали колебаться. Началось понемногу занятие самого дворца. Первыми ворвались во дворец через окна со стороны Эрмитажа матросы и павловцы. В комнатах дворца происходили стычки с юнкерами, но понемногу одна за другой они освобождались атакующими. Юнкеров отеснили к главному входу. Иногда это достигалось простым напором, а иногда и брошенной из комнаты в комнату ручной гранатой или выстрелами. Тут храбрость женского батальона и юнкеров упала до надежд на милость победителей. Женский батальон сдался в полном составе, числом, кажется, 141 человек. По разоружении он был направлен в казармы Гренадерского полка на Васильевский остров, ибо бои во дворце продолжались. Одна за другой начали сдаваться и школы, складывая оружие. Они размещались все в казармах Павловского полка на положении арестованных, ожидая утра.

Вместе с первыми, вошедшими во дворец по сдаче юнкеров у главного подъезда, был и представитель Ревкома тов. Антонов-Овсеенко, приехавший со специальной миссией арестовать само Временное правительство. Тут же на Дворцовой площади были и другие члены Ревкома. Срочно нужно было озаботиться приведением в порядок разбросанных частей.

Тем временем правительство уже было арестовано. Стали выводить. Почти все члены были налицо, за исключением Керенского. Кишкин, перелезая под конвоем матросов через юнкерские баррикады, с разбегающимися, видимо от страха, глазами, споткнулся и упал руками на мостовую, ногами повис на дровяной стапели. Маленькую кучку окружила тысячная толпа. Со всех сторон — угрозы, крики, требования расстрелять на месте. Некоторые особенно настойчиво требуют немедленной расправы. Охраняющие матросы успокаивают взволнованных министров. Помню хорошо — Терещенко очень

слабым, дрожащим голосом говорит, обращаясь неуверенно к успокаивающим: «Я верю... я верю, что вы нам ничего плохого не сделаете...» А в голосе звучит нота страха.

Повели в Петропавловскую крепость. Ведет процессию тов. Антонов-Овсеенко по Миллионной. Тысячная масса повалила вслед. Угрозы продолжают. Где-то в стороне Невского, на темной площади, раздаются несколько выстрелов — случайные ли, провокационные ли, никто не знает. Толпа остановила против Эрмитажа конвой и всю процессию, и уже более настоятельно раздалась требования расправы. С трудом конвой справляется, охраняя арестованных. Влияет лишь присутствие члена Ревкома. Чтобы избавиться от части сопровождающих, выводят арестованных на набережную, по ней до Троицкого моста и дальше в крепость. Толпа следует с непрерывным, глухим гулом.

На Дворцовой площади устанавливается порядок. Расставляются караулы. На караул становится Кексгольмский полк. К утру части расходятся по казармам, отряды Красной гвардии по районам, зрители по домам.

У всех мысль одна: «Власть взята, а как-то пойдет дальше?».

